

Владимир ТУЧКОВ

Владимир Тучков родился в 1949 году в Подмосковье. Окончил факультет электроники Московского лесотехнического института. Стихи и проза публиковались в России, Болгарии, Венгрии, Германии, Дании, Израиле, Нидерландах, Словакии, США, Украине, Франции, Швеции как на русском языке, так и в переводах. Автор двух сборников стихов и двенадцати книг прозы. Ряд рассказов был включен в «Антологию русского XX века. 50 авторов», вышедшую в издательстве Academic Studies Press, США. Предыдущая публикация в «Волге»: повесть «Любовь в городе мертвых» (2020, № 3-4).

РАССКАЗЫ

Милка

– Сынок! – вдруг раздаётся непонятно откуда.

И адресовано неизвестно кому. Явно не мне. Поскольку на такое обращение ко мне имеет право человек, которому хорошо за девяносто.

А поскольку в наших краях таких человек не водится, то это должен быть призрак.

Но это не Англия.

Поэтому списываю эти обманные звуки на счет расшалившихся нервов, которые пытаются донимать меня слуховыми галлюцинациями.

Но нет, опять:

– Сынок! Сынок! Помоги, сердешный!

Повертев головой, обнаруживаю в чистом поле довольно ветхую старуху. До девяноста, конечно, она несколько лет не добрала. Но восемьдесят-то уж наверняка есть.

Останавливаюсь. Жду, когда подковыляет.

Спрашиваю, чем надобно помочь.

И предполагаю, что просьба будет очень нетривиальной. Не краюху хлеба на пропитание. Не денег до пенсии дотянуть. И даже не мобильник, чтобы позвонить по делу, поскольку у нее, дескать, аккумулятор сел. Сейчас все, абсолютно все освоили сотовую связь – от дошколят до древних старцев, которым надобно звонить разве что на тот свет, где их поджидают веселые друзья и подружки, компаньоны по катавасиям давно минувших даже не лет, а десятилетий.

– Сынок, Милка сбежала! Она у меня такая норовистая, хуже своей мамки – Марты!

Ну, думаю, не хватало мне заниматься семейными разборками. Безумцы, которые пытаются разрулить такого рода истории, как правило огребают сразу с двух сторон.

– Нет, мать, – отвечаю с максимальной твердостью, на которую я способен, – ты уж сама разбирайся со своей внучкой. Ну, или правнучкой – она кто тебе? А мне домой надо. Видишь, из магазина иду, тяжелое несу, никого не трогаю, ничего ни от кого не жду.

– Да какая же она мне внучка, – продолжила старуха плаксивым тоном. – Коза она мне!

В конце концов старуха с максимально возможной для нее внятностью изложила историю своего несчастья. И сформулировала просьбу, которую мне надлежало исполнить.

Старуха жила в Голыгине. Почти каждый день она выводила козу Милку поpastись на бывшее колхозное поле. Подальше от Ярославского шоссе. Внуки ей объяснили, что в траве, которая рядом с шоссе, много свинца. И свинец попадает в молоко. И кто пьет такое молоко, тому уготован короткий путь к могиле.

Вот она и пасет свою Милку подальше, хоть ноги уже плохо ходят.

Сегодня Милку напугал вертолет, который пролетел над полем совсем низко. Наверняка, из хулиганских побуждений – чтобы напугать старую каргу. Однако старая карга за свою долгую жизнь навиделась такого, от чего вертолетчик неделю мучался бы медвежьей болезнью. Напугать ее было невозможно.

А Милку охватил ужас, и она кинулась прочь со всех своих четырех ног.

Старуха, насколько ей позволяли силы, поковыляла за козой.

В конце концов коза успокоилась. Но к хозяйке идти категорически отказывалась. Тут уже сказывался ее вздорный характер, который, по непреклонному убеждению старухи, присущ «вертихвосткам и артисткам». Милка подпускала хозяйку буквально на расстояние вытянутой руки. И тут же делала свечку, словно была лошадью, отпрыгивала в сторону. И отбегала на такое расстояние, с которого подслеповатая старуха могла разглядеть глумливую гримасу на козьем лице.

Я постарался успокоить старуху. Мол, побегаешь да и домой вернешься. Она же ведь умная.

Выяснилось, что я ничего не понимаю в деревенской жизни. Такую сладкую козочку и собаки могут съесть, и волки из лесу ночью на ее запах придут. Да и лихие люди заберут и суп из нее сварят. Больно много в последнее время их развелось – и бездомные, и беглые разбойники, и гастарбайтеры, оборотни в погонах... Много их, кишмя кишат!

– Ну, а я-то чем могу помочь? – недоумевал я. – Ведь она и меня к себе не подпустит!

– Не скажи, сынок, она мужчин очень даже уважает. Ты поговори с ней, устыди, вот она тебя и послушается. Это не то что глупая баба. Вот ты ее и приведешь.

– Да как же я приведу-то?! – начал я выходить из себя. – За рога, что ли?!

– Не, рожки у нее совсем маленькие. Если тебя поначалу бодать начнет – не бойся. Маленькие и даже мягкие.

– Ну, а как, как я ее приведу?!

– А у нее веревочка на шее. Вот за нее и приведешь... Вон она, вон! – старуха начала тыкать пальцем в пространство.

Я пригляделся. Действительно, метрах в семидесяти стояла коза и с явным любопытством наблюдала за нами.

И я пошел. Пошел, не представляя, чем эта история может для меня обернуться.

Милка оказалась проворной. Более того – разговорчивой. На мои обращения к ней по имени она отвечала меканием с различными интонациями.

Как и учила старуха, вскоре я начал с козой разговаривать. То есть, взывая к ее совести, предлагал вернуться к хозяйке.

К хозяйке она явно не хотела.

Тогда я попытался эту чертову Милку купить. Открыл рюкзак, достал батон, который купил в голыгинском магазине, отломил приличный кусок. И предложил его козе.

Она заинтересовалась.

Пошла на лакомство.

Я честно отдал ей хлеб. И схватил веревку, которая, действительно, болталась у нее на шее.

И с чувством выполненного долга вознамерился вести Милку к хозяйке.

Но не тут-то было. Коза упиралась, истошно орала и пыталась меня забодать.

И довела меня до того, что я обзвал подлое животное «сучьей артисткой».

Внезапно на мотоцикле подкатили два бугая лет тридцати или около того.

Минуты две они мрачно наблюдали за битвой характеров.

После чего один сказал:

– А ведь он козу у нашей бабушки украл.

Естественно, вместо «украл» прозвучал другой синонимический глагол.

Я попытался объяснить. Но меня, естественно, никто не хотел слушать.

Поскольку у каждого вора свои увертки и отговорки.

Первый предложил меня изметелить и урыть, чтобы другим неповадно было. И им это удалось бы с легкостью, учитывая существенную разницу в возрасте, в мускулатуре, в общей массе и в злости.

Второй был, как мне вначале показалось, более благоразумен. Он размахивал руками и кричал: «Никакого Линча, никакого Линча! Пусть, гад, по закону ответит!»

Оказалось, что такую стратегию он избрал вовсе не от уважения к закону. Он хотел на мне обогатиться. Подать в суд и взыскать с козокрада три, а лучше пять тысяч баксов. И за козу, и за моральный ущерб.

После чего внуки начали вызванивать какого-то Нестора Филипповича, который должен приехать и арестовать вора, который ограбил их бабушку.

Ну, думаю, может, этот самый Нестор Филиппович окажется вменяемым человеком. И недоразумение разрешится.

Через десять минут примчалась, подпрыгивая на кочках и ухабах, полицейская «Нива». Из «Нивы» вышел человек с изрядным животом, с которого сползали спортивные штаны. Однако рубашка была с лейтенантскими погонами, а голову венчала форменная фуражка с кокардой.

От полицейского пахло спиртным.

Нестор Филиппович поздоровался за руку с бугаями и спросил: «Где вор?»

И я понял, что дело мое принимает скверный оборот.

Никому из троих доказать мою невиновность было невозможно. Потому что они были в ней заинтересованы.

Внуки намеревались за счет меня обогатиться.

Для полицейского открывалась прекрасная перспектива раскрыть преступление, чего давно с ним не случалось. И заработать по службе некоторые преференции.

Ну а на козу всем троим было глубоко наплевать.

Скверный оборот усугублялся. Господин полицейский посадил в машину меня, как преступника, и козу Милку, как вещественное доказательство, и поехал составлять протокол, чтобы затем взять меня под стражу.

Вот только непонятно было, что он намеревался делать с козой. Потому что, согласно процессуальным нормам, возвращать вещественное доказательство хозяйке было нельзя до окончания следствия.

В кабинете у Нестора Филипповича царил кавардак. Он долго искал бланки протокола. Потом долго пытался найти ручку. В конце концов вспомнил, что последняя директива министра внутренних дел требовала составлять все официальные бумаги при помощи компьютера.

Он включил компьютер.

И пока тот загружался, бугаи доставили потерпевшую – свою бабушку.

Бабушка была лет семидесяти пяти. Нарумяненная. В кофточке с подсолнухами и в штанах-скинни той же расцветки, которые в годы ее молодости считались нижним бельем.

И тут у меня мелькнула совершенно бредовая мысль. Которая, несомненно, стала плодом нервного перенапряжения. Я подумал, что все они – и первая старуха, и вторая, молодящаяся, и внуки, и полицейский, и даже эта коза являются членами организованного преступного сообщества, которое при помощи мошеннической схемы грабит людей.

Внуки решили сразу взять быка за рога, не дожидаясь начала официального расследования.

– Узнаешь, твоя?! – первый внук кивнул на привязанную к ножке стула Милку.

– Вот этот вот хотел ее украсть, – второй внук кивнул на меня.

– Да это ж Милка, Шуры Новоселовой. А у меня Розка.

И у меня отлегло от сердца. Все-таки есть в России правда, есть!!!

В конце концов Нестор Филиппович согласился со мной, что козу надо вернуть хозяйке. И мы опять влезли втроем в его полицейскую «Ниву» и понеслись по кочкам и ухабам, чтобы вернуть Шуре Новоселовой дорогу ее сердцу Милку.

– Мать, – сказал я ей на прощанье, – выпори свою Милку ивовыми прутьями. Чтобы не была вертихвосткой и артисткой.

И совсем на прощанье Нестор Филиппович предложил мне отметить успешное разрешение конфликта и торжество правды. У него было чем отметить и чем закусить.

Но я отказался, сославшись на усталость.

Первый бобровый поход

Кто не знает поселок Заречный, что прилепился на пятьдесят седьмом километре к Ярославскому шоссе. С правой стороны, если ехать из Москвы в сторону Ярославля.

Да, пожалуй, почти никто и не знает. Потому что нет в истории поселка ничего необычного, героического, запоминающегося, что могло бы привлечь внимание на худой конец краеведов, которые могли бы тиснуть статейку о Заречном в районной газете. А то и телевизионщиков, способных превращать дерьмо в амброзию и наоборот – амброзию в похмелье. То есть привлекать к любому предмету, каким бы неказистым и ничтожным он ни был в действительности, массовое внимание.

Короче, это ничем не примечательный поселок, который вырос в конце пятидесятых – начале шестидесятых вокруг завода пластмассовых изделий. Тоже ничем не примечательного. Поскольку продукцию его примечательной назвать не представляется возможным. Как и менеджмент, главная цель которого состоит в жонглирование прибылью таким образом, чтобы и не сильно расстраивать хозяев завода, и не доводить рабочих до такой степени отчаяния, которая способна вызвать вспышки народного волнения.

В общем, всё как и во множестве других ничем не примечательных поселков, в изобилии разбросанных по карте России, в которых вся промышленность представлена лишь одним предприятием невысокого финансового полета.

Короче, если кому-то хочется поближе, не по видеоблогам Ходорковского, а воочию узнать, что такое социальный мрак, то тому именно сюда – в поселок Заречный.

Жили зареченцы не столько на скудную зарплату, сколько кормились от огородов. Причем не только съедали выращенное, но и выносили по выходным на трассу ведра картошки, соленых огурцов, кочаны капусты, корзинки яблок, кузовки крыжовника и малины, кабачки... Торговали и грибами, собранными в не совсем отравленном пластмассовым заводом лесу.

Вполне понятно, что самыми зажиточными были пенсионеры. Однако было их в поселке немного. Потому что химия, химическое производство, руки простирает не только широко, как когда-то заявил премьер Хрущев, но и глубоко. В печень, в желудок, в легкие, в почки.

Всё шло, как и должно было идти, чтобы сохранялась социальная стабильность. Хоть ее в пору было назвать ритуальной стабильностью. Менеджмент искусно

балансирует между теми и этими – хозяевами и поселянами, не забывая, впрочем, и о своих интересах. Отчего риски такого управления еще больше возрастали.

Однако не все в руках человеческих. Беда пришла оттуда, откуда ее никто не ждал. Внезапно – не весной, когда тают снега, – а в конце мая разлилась в общем-то абсолютно безобидная речка Воря. Восемь шагов в ширину, по пояс в глубину. Да так разлилась, что получилось наводнение.

Если бы в Заречном были старожилы, то они заявили бы, что не помнят такого ужаса на своем веку. Но поскольку старожилы не было, то эту сакраментальную фразу пришлось произносить людям не столь и старым – шестидесятилетним. Но и из их уст это звучало вполне весомо – то есть не помнят люди, еще не впавшие в возрастной маразм, с самого полета в космос Юрия Алексеевича Гагарина.

Наводнение натворило изрядно бед. На залитых водой огородах погиб будущий урожай. Это означало, что зареченцам не придется есть, а также продавать на трассе картошку, огурцы, кабачки, петрушку с укропом, капусту, редиску. Погибли и ягоды на кустах – смородина и крыжовник. И можно было рассчитывать лишь на урожай яблок.

Многие держали и живность – в сарайчиках на берегу подлой реки. Но куры утонули, поскольку не были обучены плавать. Утонули две козы. Восемь поросят.

Вода похозяйничала и в квартирах двухэтажных домов, в которых жили зареченцы. Так вот на первых этажах кое-где провалился пол. А уж испорченной мебели не перечесть. Да какая бы эта мебель ни была, но она у людей была последней.

В самый пик стихии зареченцы спасались на вторых этажах, мрачно проклиная судьбу.

Но когда вода немного схлынула, то начали проклипать и менеджмент завода. А кое-кто начал использовать в ненормативных словесных конструкциях даже хозяев завода.

Однако это была, так сказать, лёгкая разминка, так сказать, вполне невинная форма рефлексии.

Когда дорога на заводоуправление освободилась от воды, зареченцы потянулись к начальству.

Однако менеджмент заявил, что хоть глубоко и опечален случившимся несчастьем, но помочь людям, и даже сотрудникам завода, даже передовикам производства ничем не может. Потому что бюджет предприятия не предполагает такие расходы. Нет в уставных документах такого параграфа. Вот если бы сотрудники предприятия внесли его в свое время в коллективный договор, то этот параграф в договоре был бы.

Ну, а если администрация из добрых побуждений начнет выделять своим сотрудникам помощь на восстановление разрушенного стихией, то тогда ее, администрацию, посадят в тюрьму. И это для зареченцев будет еще хуже, чем сейчас.

Однако, сказала администрация, вам следует обратиться в страховые компании, клиентами которых вы являетесь, и вам будет выделена, как мы, администрация, думаем, очень достойная компенсация убытков.

Но имущество зареченцев застраховано не было. По той простой причине, что ни один из вменяемых страховых агентов в этот поселок заглянуть не удосужился по вполне понятной причине. А невменяемых среди ихнего брата не водится.

Однако социального взрыва не произошло и на сей раз. Администрация настоятельно рекомендовала обратиться за помощью в район. В районе всем обязательно помогут. Не могут не помочь, поскольку в смете каждого района, расположенного не только на территории Московской области, но и Российской Федерации, есть параграф, в котором говорится о материальной помощи пострадавшим от наводнения.

Конечно, администрации завода надо было набить морду. За доброе отношение. Однако решили повременить, потому что при таком раскладе район может не только прислать полицию, но и не дать материальной помощи.

Но и район повел себя не лучшим образом. Приехала комиссия из трех человек. И начала ни шатко ни валко все «обследовать», натюкивая какие-то буквы в своих планшетах. Каков уровень воды был в субботу вечером? А какой в воскресенье утром? До какой отметки дошла вода? С какой скоростью прибывала? Есть ли разрешение на строительство сараев? А оформил ли хоть кто-то документы на самозанятость, чтобы устраивать розничную торговлю сельхозпродуктами в неустановленных местах? Сколько утонуло кур? Можете ли предъявить их тела? А как у вас с налогами? А нет ли нарушений по части ограничений в связи с пандемией коронавируса?

Когда поселчане начали роптать, комиссия скорректировала свое поведение, начала демонстрировать человечность, граничащую с состраданием. В заключение заверила, что район никого не обидит. Однако выплаты компенсации могут начаться не раньше начала следующего бюджетного семестра.

На том и расстались.

И остались зареченцы наедине сами с собой.

Понятно, что восстановление погубленного наводнением происходило со значительными перерывами на коллективное обсуждение вопроса относительно того, кто виноват. Кто виноват в разливе Вори? Ведь не сама же она. Потому что дождь шел всего лишь двое суток. И выпало, как говорили по телевизору, сто двадцать миллиметров осадков. То есть всего лишь двенадцать сантиметров. Но вода-то в реке поднялась на три с гаком метра! Против законов арифметики не попрешь!

Выходило так, что какой-то гад, иначе не назовешь, выше по течению открыл какую-то заслонку, которая отделяла от реки какое-то водохранилище. И это водохранилище хлынуло в Ворю. И это было названо стихийным бедствием. Хотя стихия-то тут абсолютно и ни при чем! Это дела рукотворные. И не дела, собственно, а преступление. И на всякое преступление есть своя статья в Уголовном кодексе. Вот только не всегда эти статьи применяют. В данном же случае надежды на торжество правосудия были призрачными. Потому что заслонку, несомненно, открыл не пьяный гидролог, а начальство, довольно крупное. А начальство самое себя наказать при помощи применения статьи Уголовного кодекса никак не может. Потому что это противоречит инстинкту самосохранения начальства.

Высказывалась и другая версия. Под Красноармейском, который ниже по течению, есть полигон. На котором испытывают новые ракеты и снаряды. Порой очень мощные – от взрывов земля дрожит даже в Заречном, за много километров от полигона. Так вот когда по телевизору объявили о том, что за два дня должна выпасть половина летней нормы осадков, командование полигона срейфило. Перепугалось, что начавшееся наводнение затопит дорогостоящую военную технику. И командование обвинят в снижении обороноспособности страны. Поэтому командование срочно вызвало инженерную роту с тяжелой строительной техникой, которая быстрее чем за сутки построила на Воре плотину перед Красноармейском. И вода, которой перегородили путь в Клязьму, притоком которой является Воря, начала подниматься. Судиться с военными имело еще меньший смысл, чем с районным начальством. Потому что поддержанию обороноспособности страны не могут препятствовать никакие человеческие законы.

Так что зареченцам оставалось только чесать затылки. И ожидать начала финансового семестра.

И вдруг кто-то произнес слово «БОБРЫ».

Теперь уже и невозможно определить, кто же это был. И где это слово было произнесено. И при каких обстоятельствах. То ли в очереди в поселковом магазине, где нерасторопная Шура копалась, обслуживая Ирину Петровну, которой надо было и того двести грамм, и этого сто пятьдесят, и пятого, и десятого.

Или же у сараев, где Андрей из цеха гранулирования навешивал новую дверь, сколоченную из того, что под руку подвернулось.

Или на детской площадке, куда пришли четыре молодые мамы, чтобы их дети подышали свежим воздухом, а самим – посудачить про что-то насущное. Например, про последнюю передачу «Модный приговор», где из одной бесформенной тефтелины сделали конфетку, или про передачу «ДНК», в которой на научной основе обнаруживают такое, отчего глаза передвигаются на лоб.

Ничего из этого – кто, где, при каких обстоятельствах – большого значения не имеет.

Главное – слово было произнесено. И оно выступило в роли горящей спички, поднесенной к стогу сена.

Короче – полыхнуло.

В поселке только и было слышно: бобры, бобры, бобры, бобры, бобры!..

И это была очень стройная версия. Неопровержимая.

Бобры ниже по течению реки построили плотину. Что и привело к затоплению прилегающих к руслу Вори территорий выше по течению относительно бобровой плотины.

И это получало железное подтверждение. Через четыре дня после окончания аномальных дождей вода в Воре опустилась до безопасного уровня. То есть освободились и огороды, и сараи. И, естественно, дома, которые стояли повыше. Однако в русло река окончательно не вернулась и через неделю, и через десять дней после окончания наводнения. Уровень воды был выше почти на метр по отношению к обычному состоянию реки.

И это означало, что воду по-прежнему удерживает плотина. Бобровая плотина. Потому как жители расположенных вдоль реки деревень и дачных поселков построить плотину никак не могли.

Улика была железобетонная.

Вскоре появилось и еще одно доказательство. Николай рассказал, что у него в Каблукове, что ниже по течению, живет то ли шурин, то ли деверь. Живет аккурат на берегу Вори. Так вот он с ним только что созвонился. И этот шурин-деверь рассказал Николаю, что никаких ужасов не было. Немного, конечно, вода повысилась, но до затоплений дело не дошло.

Значит, падлы, бобры! Где-то между Заречным и Каблуковым. Обосновались и начали гадить людям.

– Но ведь раньше же этого за ними не водилось! – заявил на сходе Роман Андреевич, заводской технолог. Которого немедленно прозвали «бобровым адвокатом». – А они ведь уже давно в наших краях водятся. Мне еще дед рассказывал.

Мужики неодобрительно зашумели. Раздались возгласы «кончай заливать!», «всю рыбу пожрали!», «детей одних опасно на речку пускать!», «не водилось, да и развелось!»...

Роман Андреевич был человеком разумным и начитанным. Поэтому дискутировать с ним было непросто. Однако Андрюха, парень чудаковатый, вызвался. Хоть логикой и не обладал, но всегда чувствовал за собой великую правоту.

– Ну, ну, – сказал Андрюха с ехидцей, – не водилось! А в Англии раньше водилось!?

– Что? – не понял Роман Андреевич.

– А то! В Англии негры начали сваливать памятники и топить их в реках! Водилось у них раньше такое?!

– Какие памятники, зачем? – у Романа Андреевича от изумления обнажилась вставная челюсть.

– А такие! Негры говорят, что это рабовладельцы. И в воду их! К самому Черчиллю подбираются! – сказал Андрюха, решив, что положил Романа Андреевича на лопатки.

– Так при чем тут бобры, ничего не понял, – изумился технолог. Хоть и был прекрасно знаком с причудливостью Андрюхиных умопостроений.

– Да при том, что негры в реке памятники топят! А раньше не топили! И Черчилль!

– Что Черчилль?

– А Черчилль, между прочим, только армянский коньяк пил! – сказал Андрюха с таким чувством, словно пригвоздил Романа Андреевича к бревну гвоздем-двухсоткой.

Вполне понятно, что всеобщее настроение, которое можно было охарактеризовать как лютая ненависть к бобрам, вскоре привело от пустой болтовни к обмозговыванию карательной акции.

И это тоже было вполне понятно. Потому что всякое вменяемое человеческое сообщество выбирает в качестве врага, который должен быть повержен, именно ту силу, с которой в состоянии справиться.

И это не могло быть начальство. То есть администрация района, которая подло открыла заглушки на плотине выше по течению Вори. Что привело к затоплению поселка. Русский человек впитал с молоком матери, которая также впитала с молоком своей матери, и та мать матери тоже впитала от своей с молоком матери, которая является прабабкой русского человека, и так далее, до бесконечности – впитал поговорку «с сильным не борись, с богатым не судись». И это актуально особенно сейчас, когда богатство любой администрации любого района превышает мыслимые и немыслимые размеры.

Не могли быть выбраны врагами и военные с Красноармейского полигона. Ну, это понятно и без объяснения: в магазине тридцать патронов калибра 7,62 мм. И тех магазинов, пристегнутых к автоматам Калашникова, превеликое множество. Стой, стрелять буду! – после чего стрельба на поражение.

Поэтому праведный гнев был обращен на бобров. Существ безответных. С которыми, как считали зареченцы, удастся справиться легко, без особых проблем.

Забегая вперед, скажем, что они сильно заблуждались.

Надо сказать, что Роман Андреевич, будучи человеком наиболее здравомыслящим во всем поселке (иначе бы его на должность технолога не поставили), пытался отговорить земляков от необдуманных поступков. От поступков, продиктованных не разумом, а первобытными инстинктами. Использовал массу аргументов, но тщетно. Разум зареченцев был подмят синдромом толпы. Толпы, которая, как известно, обла, озорна, стозевна и лаяй. Толпа, о которой французский психолог и социолог Гюстав Лебон писал в своих исследованиях:

Самый поразительный факт, наблюдающийся в толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие её, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу.

Однако Роман Андреевич Лебона не читал. Иначе он не решился бы на крайне опрометчивые действия, направленные на попытку вразумить земляков. Поскольку, как утверждал ученый француз, *кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко*

становится её повелителем; кто же стремится образумить её, тот всегда бывает её жертвой.

Но, к счастью, пронесло. Зареченцы просто подняли технолога на смех. Чем и ограничились.

Всеми овладела выраженная в двух словах незамысловатая идея: мочить блядей! В смысле – бобров.

Выступать в карательный поход решили через два дня. Во-первых, необходимо было по доступной в интернете информации узнать как можно больше о бобрах – об их повадках, об образе жизни, о пище, о брачном периоде, о воспитании потомства, о болезнях, которым они подвержены.

Во-вторых, надо было заготовить для похода все необходимое. Провиант. Палатки – на тот случай, если не удастся уложиться в один день. Оружие. Выяснилось, что зареченцы располагают четырьмя ружьями. Все же остальные должны вооружиться каким-то холодным оружием. К нему отнесли, как наиболее подходящие в данной ситуации, вилы и топоры. Причем топоры были предметом двойного назначения – ими можно и рубить бобров, и разбирать плотину.

В-третьих, ожидали, что при установившейся жаркой безоблачной погоде пойма Вори подсохнет до такой степени, что передвижение карательного отряда будет не столь обременительным. Но, конечно, решили выступать в болотных сапогах. Поскольку неизвестно, с чем они могут столкнуться в незнакомых краях вдали от родного поселка.

Выступили 7 июня в половине четвертого утра, когда серый рассвет начал вползать в окна мирно спящих людей.

В воинственно настроенную группу, точнее – отряд, если по-военному, вошли тридцать два человека. Что по численности было эквивалентно пехотному взводу – первичному тактическому подразделению сухопутных войск. Да и по сути они были именно взводом, поскольку, несмотря на существенную разницу в возрасте, в жизненном опыте и физических кондициях, их цементировала воедино общая боевая задача и общий враг. Враг, который должен быть повержен.

Причем враг неизведанный и неизученный, как это было в самом начале Великой отечественной войны, и оттого еще более ненавистный. В котором не было ничего человеческого. Именно так представляли советские солдаты немцев летом 1941 года.

Зареченцы же, напротив, наделяли бобров человеческими качествами – хитростью, подлостью, стремлением навредить соседям, расчетливым вероломством, Всё, абсолютно всё бобры делали осмысленно, понимая, к чему их действия могут привести. Ни о каких природных инстинктах не могло быть и речи!

Был у взвода и свой командир. Петр Стрельцов. И пусть его никто не назначил командиром. И даже не выбрал, исходя из демократических принципов, но все его воспринимали именно как командира. Все получилось просто и естественно, по науке, как и писал Лебон. Именно Стрельцов ввел толпу, которая стала взводом, в заблуждение. И, соответственно, стал ее повелителем.

Стрельцов единолично принимал решения, отдавал приказы, отчитывал нерадивых, хвалил отличившихся.

Правда, никак не реагировал на то, что периодически то один его земляк, то другой, то третий прикладывались к четвертинкам, которыми запаслись накануне похода. Злее будут, думал Стрельцов, кураж – он в военном деле имеет решающее значение.

И так они продвигались вдоль реки, возбужденные, распаяя себя антибобровыми репликами, вспоминая и рассказывая на ходу какие-то истории из своего армейского прошлого, довольно уже отдаленного, прикладываясь к четвертинкам – по чуть-чуть, по глотку.

Не только бобры, но и Воря оказалась подлой рекой. Она совершенно бессовестно петляла, закладывая повороты чуть ли не на сто восемьдесят градусов. И Стрельцов вскоре понял, что пройдя полтора-два километра, они продвигаются вперед, то есть к устью, метров на двести-триста. И принял решение идти по прямой, сверяясь с коммуникатором. И периодически приближаясь к реке, чтобы определить уровень воды. То есть узнать, прошли ли они уже плотину, или же она все еще впереди.

Видели ли эти люди, шумной толпой идущие по относительно диким, почти первозданным местам родного им Подмосковья, красоты природы? Нежную зелень листы, воспрянувшей после затянувшихся майских холодов. Строгую готичность елей. Беззаботное щебетанье птиц, пока еще не свивших гнезда и даже не завершивших брачные игрища. Упорство ручейков, пробирающихся сквозь заросли травы, переползающих через прошлогодний валежник, устремляющихся к реке, чтобы слиться с ее водами, обрета вечную жизнь...

Видели ли они это великолепие?

Нет.

Они перемещались из пункта А в пункт Б, чтобы совершить запланированную работу. И ничто постороннее (а красота – это и есть главное постороннее в ратном деле, когда предстоит убивать) для них просто не существовало.

Так они и шли, подбадривая и подначивая друг друга и прикладываясь к четвертинкам.

Через полтора часа два самых слабых бойца, то есть самых толстых, к тому же перешагнувших пятидесятилетний рубеж, Вильнёв и Анистратенко, начали выбиваться из сил.

Стрельцов объявил привал.

Перекусили бутербродами. Достали термоса – у кого с чаем, у кого с кофе. Водку пить на привале Стрельцов запретил.

Отдышавшись и подкрепившись, можно было бы наконец и осмотреться вокруг. И заметить, как хорош, как свеж перелесок, в котором они расположились. Какой грандиозный муравейник соорудили из соломок и щепочек трудолюбивые мураши. Как шелковиста трава, как грациозны станы березок, как, в конце концов, замер жук на полпути, размышляя о чем-то своем, жучином, замер, поблескивая перламутровой спинкой...

Но нет. Ничего этого они не видели. Словно и не снимали никогда солдатские сапоги, они вспомнили армейские будни и начали впустую молоть языками, балагурить, сыпать солеными шуточками. И всё, как и тогда, вертелось вокруг баб, командования, которое в данном случае было представлено заводским начальством, и водки. Ну, и в соответствии с текущим моментом перемывали косточки бобрам.

– Серега, а ты знаешь, что они, падлы, сильные. Впятером что твой волк, а всемером – медведь.

– Да ну, заливаешь!

– Бля буду. Одного мужика, который купался, на дно уволокли.

– Это где же, на Воре?

– Не, это где-то в Карелии. Мне армейский дружок Вконтакте написал. Баба осталась брюхатая и двое пацанов.

– Это что! По телевизору говорили, что один нырнул и не мужиком вынырнул.

– Это как это?

– Да так это – бобер ему своими зубами хрен на хрен отхреначил! Во как бывает!

– Врешь ты всё, Санек. Трусы же...

– А что для него трусы – так, легкая закуска.

- Да, точно, испытания проводили ученые. Поймали трех бобров...
- Какие там на хрен испытания! На шубу и все дела.
- Не перебивай, Долдон, слушай что умные люди говорят.
- Это ты-то умный? Щас обоссусь!
- Да уймите его... Так вот я и говорю, что испытывали бобровьи зубы. И сравнивали с циркуляркой. Начали с дуба. Потом листовница... Кто-то работал с листовницей?
- Я работал, зверь-древесина!
- Так вот потом перешли к мягкой стали. Ну, из которой сельхозтехнику делают, в общем, говно-сталь. Бобры режут как миленькие, только искры летят. А потом дело дошло и до легированной стали, которая для космоса. Циркулярке тут кирдык настал, а бобры режут! Во, бля!
- А вот в Африке, говорят, крокодилы...
- Да брешут! Крокодил слаб против нашего бобра. У крокодила только залупа знатная, а больше ничего.
- Да, но...
- Да это негры слухи распустили. Негры трусливые, им покажи козу, которая у Егоровны, так они в обморок попадают...

Петр Стрельцов скомандовал подъем.

Дружно встали. И затверженными когда-то движениями попытались оправить гимнастерки. Но гимнастерок на них давно уже не было. Истлели. Вместе с Советской армией.

Через час на пути попался какой-то дачный поселок. Мнения разошлись – у одних в коммуникаторе это был «Электролит», у других – «Лесные дали».

Сторож, услышав какой-то странный нарастающий шум, вышел из своей сторожки. И увидел, как в воротах приближается возбужденная толпа внушительных размеров. И толпа вооружена ружьями и вилами.

Заявление о том, что это частные владения и что посторонним проход запрещен, толпу не остановило. Более того – раздался смех и улюлюканье.

И тогда сторож, который в первый раз в жизни оказался в такой ситуации, совершил безрассудный поступок. Спустил на толпу цепного кобеля.

Кобель был тотчас же заколот вилами.

Сторож, решив более не демонстрировать героизм, спрятался в своей сторожке.

Отряд беспрепятственно вошел то ли в «Электролит», то ли в «Лесные дали» и вышел из него с противоположной стороны.

Сторож, конечно, позвонил в полицию. Полиция приехала через полтора часа. И после составления протокола в связи с отсутствием нарушителей общественного порядка полиция уехала в на свою базу, расположенную в городском поселении Лоза.

К половине первого солнце поднялось на максимальную высоту над горизонтом, оказавшись строго на юге. После чего начало медленно сползать вправо и вниз. Зареченцы уже изрядно устали. А плотины все не было. И неизвестно, сколько еще надо было пройти. Позади было уже тридцать километров. То есть до устья оставалось, соответственно, километров сорок-пятьдесят, поскольку Википедия говорила, что длина реки равна девяноста девяти километрам. Но при этом следовало учитывать, что поселок Заречный находится километрах в тридцати от истока.

Было понятно, что цель находится ближе – ведь не станут же бобры делать плотину в месте слияния Вори с Клязьмой. Однако ситуация была еще более оптимистичной. Поскольку родственник, которому звонил Николай, говорил, что в Каблукове наводнения

не было. А до Каблукова оставалось еще километров десять, не больше. И, значит, цель совсем близко.

Заречинцы устроили привал, чтобы отдохнуть перед последним и решающим броском. Ведь нельзя же было вступать в схватку с бобрами взмысленными и измочаленными. Как знать, чем могло обернуться такое шапкозакидательство.

На сей раз сидели уже молча, не балагурили и не перебрёхивались. Копили в душах злобу.

Ровно через десять минут Петр Стрельцов скомандовал подъем.

Шли молча. След в след. Впереди шел бульдозерист Артем Касаткин, широкоплечий приземистый мужик. Человек отчаянный, не раз доказывавший это во время стычек с лешковскими, которые претендовали на торговые места рядом с магазином «Рыба», стоящим на трассе.

Пятым – Петр Стрельцов. Позиция была выбрана из соображений оптимального места в колонне. У него был и обзор, и возможность управлять действиями первой штурмовой четверки.

В середине были, как водится, середнячки, полезные во время атаки исключительно за счет своего количества. Как говорится, типичное пушечное мясо.

В хвосте плелись не рассчитавшие дозу, то есть выпившие водки сверх своей меры. Но и они могли принести определенную пользу при условии грамотной расстановки сил по фронту и на флангах. Эти могли, полностью одурев, переть напролом, не считаясь ни с чем, даже с возможностью быть прошитым автоматной очередью или разорванным фугасным снарядом.

Да, как ни крути, а пьяная удаль – она ведь тоже удаль, хоть и имеет невысокий коэффициент полезного действия... Правда, на сей раз ни об автоматных очередях, ни о разрывах осколочно-фугасных снарядов не могло быть и речи. Однако в любом столкновении, пусть даже мордобойном, тактику участия пехотного взвода в общевойсковом бое никто не отменял. Можно, конечно, попробовать обойтись без нее, но надо быть готовым понести дополнительные потери в живой силе сверх нормативов, заданных в секретных документах Министерства обороны РФ.

Замыкал колонну Алеша Попов. И лучшей кандидатуры для замыкающего подобрать было невозможно – Алёша был пастухом. Не сам, конечно, а его отец. И не сейчас, а когда-то, раньше. Однако кое-какие секреты династийной профессии сын все-таки получил от отца.

Под ногами начало чавкать. Пошли чахлые березки. Умолк птичий щебет. Воздух наполняли какие-то дурманящие испарения.

– Не расслабляться! – гаркнул Стрельцов, – нога в ногу!

Кто это? – испуганно подумал бы человек, увидев странную процессию мрачных вооруженных вилами и ружьями людей, окажись он случайно у них на пути.

Партизаны Великой отечественной войны?

Или же партизаны другой Отечественной – восьмьсот двенадцатого года?

Или напротив – чудом уцелевшая группа власовцев, пробирающаяся к немцам?

Или еще кто-то из далеких эпических времен?

Но никак не современники этого случайного прохожего. Не люди из двадцать первого века. Таких там нет, не должно быть!

Вдруг шедший вторым Круглов, успевший опустошить одну четвертинку и ополовинить вторую, завопил: я чую их гадов, чую, они совсем рядом!

И рванул вперед, проламываясь сквозь чахлый кустарник, словно кабан.

– Стой, стой, дурак, приказываю, стой! – закричал Стрельцов.
Но Круглов, был невменяем.
Вскоре его уже не было видно.
Отряд продолжил движение.

Спустя минут десять издалека донеслись крики Круглова. Разобрать слова было нельзя, слишком далеко убежал.

– Бьет он их, что ли, уже? – спросил Касаткин Стрельцова. Тот пожал плечами.
Отряд продолжил движение.

Крики Круглова приближались. И вскоре стало понятно, что он кричит: помогите!

Стрельцов приказал ускорить шаг. Но действовать осторожно и расчетливо.

Прошло еще минут пять.

Крики о помощи были уже совсем близко.

И вдруг всё стихло.

Впереди было болото.

Из трясины, подернутой ряской, торчали лишь две ладони с растопыренными пальцами.

Пальцы чуть подергивались.

Это агония, поняли зареченцы. Хоть никто из них никогда прежде не видел агонию человека.

Ладони медленно скрывала черная зловонная вода. Было ощущение, что не они уходят вниз, а болотная жижа поднимается вверх. И что это движение неостановимо. Что совсем немного и трясина начнет жадно облизывать сапоги зареченцев и карабкаться вверх, все выше и выше...

Они мгновенно протрезвели.

Хоть были пьяны вовсе не от водки.

Их одурманивала иллюзия, которая объединила их в толпу. И гнала, как безголовое стадо, навстречу гибели.

Хорошо, что река довольствовалась только одной жертвой...

Получилось все по Лебону: *Толпа представляет собой временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение...*

Мгновение истекло.

Толпа распалась на составные элементы, способные мыслить. Мыслить, чувствовать и действовать самостоятельно.

И зареченцы понуро побрели обратно. В место, определенное для них судьбой.

Они поняли, осознали, интуитивно, что бобры и все другие – лоси, кабаны, медведи, зайцы, волки, лисы, все, даже холоднокровные лягушки и рыбы – настоящие здесь хозяева. Что они на планете вечные.

В отличие от человека, который загоняет себя в болото собственной глупости, которая представляется высшим разумом.

Откуда лишь единственный выход – на дно истории.

Превращаясь в донные отложения.

И некоторое время пуская со дна пузыри, наполненные пустотой.
Как-то примерно так.